

И.Ф. Федоров

Столетие Одессы

**С портретами
административных и
общественных деятелей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.Ф. Федоров**
Столетие Одессы: С портретами административных и общественных деятелей
/ И.Ф. Федоров – М.: Книга по Требованию, 2014. – 114 с.

ISBN 978-5-518-01533-3

ISBN 978-5-518-01533-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Исторія Одессы.

Первоначальная исторія Хаджибей, говоритъ профессоръ Надлеръ въ изданной имъ въ прошломъ году книгѣ, никогда не можетъ быть уяснена съ полною достовѣрностью. Объ основаніи поселка, о его первоначальной судьбѣ, сохранились лишь одни легендарныя сказанія. Если вѣрить польскимъ писателямъ, то Хаджибей или Кацюбей обязанъ своимъ происхожденіемъ литовскому шляхтичу Кацюбъ-Якушинскому. Этотъ шляхтичъ, владѣвшій мѣстечкомъ Якушинымъ, на рѣкѣ Бугѣ, человекъ, очевидно, предприимчивый, воспользовался тѣмъ моментомъ, когда великій князь Ольгердъ выгналъ татаръ изъ Подолія и достигъ, преслѣдуя ихъ, замка Моннастро, расположеннаго на Овидіевомъ озерѣ, теперешнемъ Днѣстровскомъ лиманѣ. Кацюба облюбовалъ себя во время этого похода мѣстечко надъ моремъ и построилъ здѣсь свой хуторъ, выслалъ въ него нѣсколькихъ крестьянъ изъ Якушина.

Кацюбей или Гаджибей не проще-ли предположить былъ построенъ татарами, но литовцы отняли у нихъ это мѣстечко и поселились въ немъ, привлекаемые близостью соленныхъ озеръ, а также возможностью производить отсюда каботажный торгъ съ Генуэзскою колонією, Каффою. Какъ-бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ началѣ XV вѣка Кацюбей находился въ рукахъ литовско-польскихъ князей. Сохранилось вполне достовѣрное извѣстіе, что въ 1413 году польскій король Владиславъ отправилъ изъ Кацюбей нѣсколько судовъ съ хлѣбомъ въ осажденный турками Константинополь.

Когда именно Хаджибей перешелъ подъ власть татаръ, а за ними и турокъ, въ точности неизвѣстно. Извѣстно только, что въ 1764 году въ Хаджибей турками построена была крепость.

Жизнь въ тогдашнемъ Хаджибей носила тревожный, полукочевой характеръ. Жалкое татарское населеніе было вѣчно на сторожѣ отъ нападенія запорожцевъ и ногайскихъ кочевниковъ. Жители держали всегда на готовѣ повозки и лошадей и при малѣйшемъ признакѣ опасности бросали свои землянки и спѣшили скрыться въ степи. Особенно жутко становилось въ Хаджибей зимою, когда ни одно судно не рѣшалось войти въ бухту, совершенно открытую для сѣверныхъ, сѣверо-восточныхъ и западныхъ вѣтровъ. Хаджибей оказывался въ это суровое время года совершенно отрѣзаннымъ отъ всего остального міра. Судходство возобновлялось только съ наступленіемъ теплой, лѣтней погоды, но и въ это время года торговое движеніе въ Хаджибей не отличалось особеннымъ оживленіемъ. Немногіе шхипера, отваживавшіеся посѣщать негостепріимные берега Чернаго моря, особенно неохотно заѣзжали въ Хаджибей. Опасаясь внезапныхъ штормовъ и столь-же внезапныхъ нападеній разбойниковъ, они старались повончить, какъ можно скорѣе, свои дѣла въ Хаджибей и убраться по добру по здорову изъ непріятнаго и опаснаго мѣста.

Послѣ покоренія Очакова у свѣтлѣйшаго князя Потемкина сорвала мысль о покореніи Хаджибея — этого послѣдняго оплота турокъ на сѣверо-западномъ берегу Чернаго моря. Въ половинѣ августа 1789 года де-Рибасъ видѣлся съ Потемкинымъ прѣзжавшимъ въ Очаковъ *) и тогда между ними порѣшено было о взятіи Хаджибея. Де-Рибасъ назначенъ былъ начальникомъ авангарда войскъ подъ командою генерала Гудовича. Де-Рибасъ поручилъ капитану Аркудинскому съ сотней казаковъ сдѣлать рекогносцировку Хаджибея, но издали и не пугая турокъ. Ночными маршами и прячась по балкамъ, Аркудинскій подошелъ близко къ Хаджибею и съ помощью подзорной трубы насчиталъ у гавани Хаджибея 39 дубовъ, 2 большихъ корабля и 33 лансины.

3-го сентября генералъ Гудовичъ, въ авангардѣ котораго находился де-Рибасъ выступилъ изъ Очакова въ величайшей тишинѣ, а по распоряженію князя Потемкина контръ-адмиралъ Ушаковъ командированъ былъ къ устью рѣки Днѣстра съ цѣлью отвлечь турецкій флотъ отъ Хаджибея.

*) Качибей, пров. Марковичъ, стр. 52.

Направлявшіяся войска къ Хаджибею шли ночью, чтобы не быть замѣченными съ непріятельскаго флота. Войска вѣкъ по труднѣйшымъ дорогамъ всауль черноморскихъ казаковъ Бондратій Табанецъ. Войска шли медленно и только 11 сентября въ ночи подошли къ Хаджибею на два марша. Затѣмъ де-Рибасъ съ отрядомъ трехъ конныхъ и трехъ пѣшихъ полковъ черноморскихъ казаковъ и шестью пушками вробрался въ ночь на 12-е сентября за перешеекъ между моремъ и куляницкимъ лиманомъ у Шкодовой горы, прѣча свои войска по оврагамъ. Гудовичъ же, со своими войсками скрытно слѣдовалъ, остановился подъ горою — гдѣ нынѣ Усатевы хутора.

Въ Кривой Балкѣ, 13 сентября, происходило совѣщаніе Гудовича съ де-Рибасомъ на счетъ штурма Хаджибея. Де-Рибасъ, соединивъ всѣ находившіеся подъ его командой войска, приказалъ полковнику Хвостову съ баталіономъ пѣхоты и двумя полками черноморскихъ козаковъ приблизиться по оврагу къ замку или такъ называемой крѣпости, которая расположена была на лѣвой сторонѣ нынѣшняго бульвара, ближе къ дому Воронцова, и стараться взойти по лѣстницамъ въ крѣпость. Другой пѣхотный баталіонъ подъ командою секундъ-маіора Воейкова съ полкомъ черноморскихъ козаковъ имѣлъ занять форштадтъ или татарскую деревушку, расположенную у Карантинной Балки и препятствовать туркамъ вредить осаждающимъ съ моря. Гудовичъ долженъ былъ, съ артиллеріей, подъ командою графа Безбородько обстрѣливать турецкій флотъ и крѣпость съ Пересыпи.

Въ четвертомъ часу по полуночи, 14 сентября, де-Рибасъ повелъ войско свое на приступъ. Съ лѣваго фланга полковникъ Хвостовъ подъ картечными выстрѣлами съ турецкаго флота, перейдя Военную балку, не ожидая Воейкова приставилъ къ стѣнѣ укрѣпленнаго замка первую лѣстницу, за которою войска наши начали ставить и другія, и невзирая на жестокой пушечный и оружейный огонь со стѣнъ и съ флота, менѣе четверти часа лѣвая сторона замка была нами занята. Вскорѣ войска наши овладѣли воротами и замкомъ. Въ то же время Воейковъ занялъ форштадтъ и поставилъ тамъ резервы.

Турки сильно вредили войскамъ нашимъ съ флота, въ виду чего генералъ Гудовичъ приказалъ артиллеріи, подъ командою маіора Меркеля, перейти по правую сторону крѣпости. Маневръ

этотъ заставилъ турокъ умолкнуть. Артиллерія наша принесла много вреда турецкой элотили, ушедшей въ море.

При взятіи Хаджибея добыто было трофеевъ: 12 пушекъ, 7 знаменъ, 2 олага, 22 бочки пороху, 800 ядеръ. Взято въ плѣнъ — двухбунчужный паша Ахметъ, бинь-паша, 5 агоевъ, 5 байракторовъ, 1 капитанъ судна и 66 нижнихъ чиновъ; убитыхъ насчитано было 200 душъ. Съ нашей стороны убито 5 нижнихъ чиновъ; ранено: 1 оеицеръ, 1 унтеръ-оеицеръ и 31 нижнихъ чиновъ.*)

Въ официальныхъ рапортахъ де-Рибаса указаны слѣдующіе лица, отличившіеся при взятіи Хаджибея: полковникъ Хвостовъ, Меркель и Воейковъ, капитанъ Троицкаго полка Воиновъ, Николаевскаго — Люберихъ, и Орловскаго — Трубниковъ, поручикъ Вохосель, есаулъ Кумшацинъ и Табанецъ, сержантъ Скозинъ и Поповъ. Изъ запорожскихъ войскъ Чепега, Бѣлый и Высочинъ; и въ особенности Головатый.

*) Вотъ дословный рассказъ сына очевидца о взятіи Гаджибея, переданный мнѣ въ шестидесятыхъ годахъ.

Послѣ разгрома Новой Сербіи крымскимъ ханомъ Крымъ-Гиреемъ въ 1768 году (по распоряженію тамбульскаго дивана, отравленнаго въ Бендерахъ въ 1769 году), татары уехали въ плѣнъ моего дѣда, который до того, года два назадъ, находился въ услуженіи у русскаго резидента въ Бахчисараѣ — Александра Никифорова, уѣхавшаго изъ Крыма по случаю войны. Такъ какъ дѣда моего многіе изъ татаръ-наѣздниковъ знали, то съ нимъ обращались по человѣчески и, отобравъ отъ него вѣдѣту, что онъ не убѣжитъ, приставили его сторожемъ къ садамъ и огородамъ Перекопскаго Каймакана. Дѣдъ мой былъ изъ не-красавцевъ, лѣтъ 27; онъ зналъ русскую грамоту и хорошо владѣлъ татарскимъ языкомъ. Война съ Турціей продолжалась: князь Голицынъ разбилъ турокъ при Хотинѣ, а Румянцевъ при Ларгѣ и Кагулѣ въ 1770 г. Въ виду этого татары принимали строгія мѣры съ цѣлью воспрепятствовать побѣгу русскихъ невольниковъ, а въ томъ числѣ и дѣда. Въ слѣдующемъ 1771 г. русскія войска обложили весь сѣверный берегъ Тавриды и главнокомандующій князь Долгорукоевъ опустошилъ всѣ города не только на сѣверѣ Крыма, но и на югѣ — Керчь и Феодосію. Не только бѣжать но и уйти изъ Перекопа дѣдъ могъ свободно, такъ какъ и въ Перекопѣ орлы Екатерины оставили по себѣ славуку память, разоривъ этотъ городъ. Но, дѣдо въ томъ, что дѣдъ влюбился до безумія.

У губернатора крайности Орь-Капи (Перекопа) служилъ писцомъ заслуженный татаринъ Селимъ-Ба. У этого Селима была красавица дочь, часто гулявшая въ садахъ каймакана. Здѣсь-то она познакомилась съ дѣдомъ, бывшимъ въ то время красивымъ молодымъ человѣкомъ и влюбилась въ него. Во время разгрома Перекопа — дѣдъ уѣхалъ съ семействомъ Селима въ Акъ-Мечеть, гдѣ въ одну темную ночь, говорившись съ своей возлюбленной, бѣжалъ съ ней въ лодкѣ, направившись въ Кошъ, находившійся въ то время на правомъ берегу Днѣпра, вблизи нынѣшняго Бизюкова монастыря. Мѣсто это нынѣ принадлежитъ одному изъ богатѣйшихъ херсонскихъ помѣщиковъ, М. Ф. Агаркову, и на са-

Почему всё лавры победы Хаджибея достались на долю де-Рибаса, не оставив ни одного листочка главному начальнику и распорядителю войсками генералу Гудовичу неизвестно: Профессоръ А. И. Марковичъ, въ изданной имъ брошюрѣ «Городъ Качибей или Хаджибей» (стр. 61) говоритъ, что де-Рибасъ, уговорился съ Гудовичемъ, что онъ дастъ послѣднему знать о времени штурма Хаджибея, а между тѣмъ, повелъ войска на приступъ, не сообщивъ объ этомъ Гудовичу. «Гудовичъ понялъ», говоритъ профессоръ Марковичъ, что «де-Рибасъ одинъ хотѣлъ приобрести славу взятія Хаджибея».

Жаль, что покореніе Хаджибея не принадлежитъ имени русскаго генерала! Вся исторія Хаджибея и Одессы сложилась въ одно слово «Де-Рибасъ». И Дерibasовская улица и Дерibasовскій садъ — и ничего въ память доблестнаго генерала Гудовича.

момъ становщикъ Коша — раскинута богатая усадьба М. Ф. надъ самымъ Дивномъ.

Изъ разъ казовъ отца я не могъ выяснитъ, какъ дѣдъ мой на лодкѣ достигъ Запорожской Сѣчи? Онъ могъ доплыть только или до Кинбургской косы или до залива Черноморья, затѣмъ вновь пробираться сухимъ путемъ, а тамъ далѣе, переправиться черезъ Днѣпръ. Мимо Очакова проплыть онъ не могъ, такъ какъ въ то время въ Очаковѣ было собрано много турецкаго войска, да и кромѣ того, отецъ бѣглеца тотчасъ-же послалъ очаковскому трехбунчужному пашѣ донесеніе о побѣгѣ его дочери съ невольникомъ.

Гдѣ находился дѣдъ въ теченіе 12 лѣтъ до 1783 года — не извѣстно, отецъ не упоминать, ему въ это время было 10 лѣтъ. Припоминалъ только изъ словъ дѣда, что въ этомъ году Крымъ присоединенъ былъ въ Россію. Туда назначены были въ родѣ оккупантій русскія войска. Ханъ существовалъ номинально, онъ получалъ отъ нашего правительства содержаніе изъ доходовъ Крыма, такимъ же образомъ и все ханскіе чиновники получали жалованья отъ Россіи. По спискамъ барона Ингельстрема выдавалось въ годъ чиновникамъ 138.561 р., сколько получалъ Ханъ Шагынъ-Гирей — неизвѣстно.

Что такое 138 561 р. на 152 главныхъ чиновниковъ цѣлаго государства? Каждый паша, каждый каймаканъ и сердаръ имѣли ежегодно отъ грабежей въ пять разъ болѣе причятавшей имъ отъ Россіи суммы. А эта вѣчно праздная жизнь, не знавшая никакихъ заботъ кромѣ завидничества!..

По документамъ видно, что въ періодъ присоединенія Крыма къ Россіи — тамъ находилось, всего жителей 150 000 душъ обою пола. Если изъ этой общей цифры принять мужское населеніе въ 80.000 и, отбросивъ хотя двадцать тысячъ изъ нихъ на малолѣтнихъ, не владѣвшихъ оружіемъ, то останется всего населенія, способнаго къ войнѣ, шестьдесятъ тысячъ. И эти-то шестьдесятъ тысячъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ были грозой Россіи, Польши и другихъ государствъ. Цѣлые города исчезали подъ могучимъ напоромъ этихъ храбрецовъ, цѣлые потоки крови лились при ихъ набѣгахъ. Дрожала Москва, дрожала Малороссія, дрожала Польша и Венгрія предъ несокрушимой силой толсты крымскихъ храбрецовъ. Понятно, что мирная жизнь имъ сдѣла-

Вотъ формулярный списокъ бывшаго покорителя Хаджибея и перваго его правителя въ качествѣ градоначальника :

Изъ послужнаго списка видно : «вице-адмиралъ, орденовъ св. Александра Невскаго, св. великомученика и побѣдоносца Георгія втораго класса, св. равноапостольнаго князя Владимира второй степени и Мальтійскаго креста кавалеръ Іосифъ Михайловъ сынъ Де-Рибасъ, 39 лѣтъ». Въ графахъ — «изъ какаго состоянія, гдѣ помѣстье и сколько мужеска пола душъ [и когда въ службу вступилъ, какими чинами и когда происходилъ]» — значится : «изъ гишпанскихъ дворянъ, закона католическаго, за мною мужеска полу въ Могилевской губ. 800 душъ, изъ маіоровъ Неаполитанской службы, по имянному Ея Императорскаго Величества указу принять въ російскую капитаномъ въ 1774 году, марта 9 го, маіоромъ съ 1776 года, подполковникомъ 1779 года, бригадиромъ съ 1787 года, генералъ-маіоромъ

ласъ не подь силу, многіе начали переселяться въ Турцію и на побережья Чернаго моря не занатое Россіей — въ Едизанскую землю — вблизи Хаджибея, и въ самый Хаджибей.

Съ 14-лѣтнаго возраста отецъ мой хорошо поминтъ, какъ дѣдъ поселился въ 8 верстахъ отъ Хаджибея. «Я помню — говорилъ отецъ, — что выбравъ высокую гору, съ вершины которой видѣлся Хаджибейскій замокъ, (надъ паркомъ на Хаджибейскомъ лиманѣ) дѣдъ построилъ себѣ небольшой домикъ. Камни было сколько угодно, вотъ насчетъ дѣса трудно было. Внизу по скату горы, разведенъ былъ небольшой виноградникъ, а въ самой лошнѣ мы сажали деревья. Миѣ было уже 14 лѣтъ, а меньшему брату 10. На солончаковой почвѣ, орошаемой водою, пробивавшейся изъ скалъ, мы сажали табакъ, а въ лѣтніе жаркіе дни, къ концу дѣта мы собирали соль, находившуюся въ лиманѣ. Въ 1788 году, зимою, надъ Очаковъ. Оставался, такимъ образомъ, на всемъ сѣверномъ берегу Чернаго моря, отъ Кавказа до Днѣстра, въ рукахъ турокъ одно небольшое укрѣпленіе — Гаджибей, гарнизонъ котораго къ веснѣ 1789 года усилень былъ нѣсколькими сотнями турецкаго войска. Въ Гаджибей я и отецъ бывали часто ; имѣли много знакомыхъ, покупали тамъ кое какія мелочи. Кромѣ солдатъ въ замкѣ и въ укрѣпленіи — въ Гаджибей находилось нѣсколько торговцевъ татаръ, турокъ, грековъ и даже евреевъ. Населеніе это помѣщалась въ небольшой слободѣ вблизи замка, расположенной такимъ образомъ, что пушечные выстрѣлы изъ амбразуръ приврывали слободку, въ радиусѣ 300 сажень. Слободка находилась между двумя крутыми оврагами ; съ сѣвера — что нынѣ Военный спускъ, глубокой оврагъ шелъ по нынѣшней Греческой площади и раздвоившись у дома Ведде на двѣ части, одной проходилъ подь дома нынѣ Черепенникова и Барузо, другой — прямо по Гаванной и, соединяясь у Сабанѣва моста, шелъ прямо въ море. Съ юга былъ глубокой оврагъ, начинавшійся отъ Тюремнаго переулка, по Ремесленной и Польскому спуску, входившій въ море. Между этими оврагами, надъ моремъ господствовалъ укрѣпленный замокъ, а съ запада замка — слободка. На другой сторонѣ — къ югу, за оврагами, находилось укрѣпленіе съ башнями, внизу котораго устроена была пристань для судовъ. Пристань эта не защищала судовъ, отъ морскихъ буръ, такъ что въ сильную бурю корабли уходили въ море. Въ

съ 1789 г., въ 1792 г. переименованъ въ контръ-адмиралы и въ 1793 г. въ вице-адмиралы». Въ графѣ — «россійской грамотѣ читать и писать и другія какія науки знаетъ-ли» — написано: «грамотѣ россійской читать и писать умѣю». Въ графѣ — «въ теченіе службы своей гдѣ и когда былъ въ походахъ и удѣла съ неприятелемъ — значится: «1774 годъ въ первой арміи подѣ командою его сіятельства господина генералъ-фельдмаршала и разныхъ орденовъ кавалера графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго, въ отдѣльномъ корпусѣ съ господиномъ генералъ-поручикомъ, который нынѣ генералъ-аншефомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ, Михаиломъ Федотовичемъ Каменскимъ подѣ Козлицемъ у Енни базара и Буланикъ ваганторомъ, а 787 и съ объявленія турецкой войны въ походахъ по 788, дежурнымъ генераломъ при покойномъ главнокомандующемъ фельдмаршалѣ князѣ Григоріѣ Александровичѣ

поверстѣ на юго-западъ отъ укрѣпленія, гдѣ когда-то стояла мельница, находилось мѣсто казни, гдѣ вѣшали преступниковъ. Тамъ-же была громадная каменоломня, оставшаяся отъ постройки крѣпости; туда сбрасывали тѣла преступниковъ.

«Не смотря на малочисленное населеніе, Хаджибей велъ довольно обширную для того времени торговлю. Южная Польша и все прибрежное населеніе отправляло въ Турцію товары черезъ Хаджибей. Только однимъ русскимъ не было къ нему доступа. Москва, Малороссія и Кошъ имѣли съ разрѣшенія очаковского паши сношенія съ Турціей и Греціей чрезъ Днѣпровскій лиманъ.

«По историческимъ даннымъ видно, что Хаджибей взяли русскими, такъ сказать, съ полета, безъ всякихъ приготовленій. Между тѣмъ, послѣ взятія Очакова, Хаджибей съ часу на часъ ждалъ своего паденія. Если такіа крѣпости, какъ Очаковъ, Бендеры и др. не устояли предъ русскимъ могуществомъ, то на что же могъ рассчитывать Хаджибей?

«Въ замкѣ и укрѣпленіи было не болѣе тысячи гарнизона. Если принять во вниманіе, что и замокъ и укрѣпленіе построены были изъ мягкаго мѣстнаго камня, что постоянныя неудачи турокъ въ борьбѣ съ Россіей ослабили ихъ энергію и бодрость духа, то, можно предположить, что невеселыя мысли роились въ головахъ хаджибейскаго паши.

«Лѣто 1789 г. было знойное; вблизи Хаджибея все выпыгорѣло, нужно было лошадей пасти верстъ за двадцать вверхъ въ степь. Я съ маленькимъ братишкой уѣзжалъ иногда въ степь на нѣсколько дней, если дома не представлялось надобности въ лошадяхъ. Какое это было золотое время, когда мы забирались въ необозримую степь. Ляжешь на травѣ, да любишься голубымъ небомъ, а вокругъ ни звука... только кой-гдѣ кузнечикъ прочиркаетъ. Наступитъ вечеръ — вновь смотришь какъ звѣзда за звѣздой вспыхиваютъ на небосклонѣ. Еще слышится тише — ни заботъ, ни тревоженій... и чувствуешь какъ будто не ты въ мирѣ, а весь миръ въ самомъ тебѣ.

«По степямъ иногда попадались дикія лошади, т. е. одичавшія, сорвавшіяся съ коновязи или убѣжавшія изъ подѣ убійцъ всадниковъ — татаръ или казаковъ. У самаго берега моря жизнь проявлялась или въ видѣ рыбацкѣй лодки, или въ видѣ корабельнаго паруса, показывавшагося на горизонтѣ.

Потемкинъ-Таврическомъ, 789 г. командовалъ авангарднымъ корпусомъ второй арміи сентября по 30-е число, а съ того времени до окончанія войны командовалъ гребнымъ флотомъ, потомъ по Высочайшему указу былъ вторымъ членомъ въ конгрессѣ о мирныхъ переговорахъ въ Яссахъ, и по окончаніи онаго такъ-же по Высочайшему препорученію у разныи турецкихъ военнопленныхъ».

«Не помню 11 или 12 сентября нѣсколько казаковъ окружили меня въ степи, верстахъ въ 22 отъ Каджибей и верстахъ въ 15 отъ нашей усадьбы.

— Ты кто такой будешь? спросилъ меня одинъ изъ казаковъ.

— Писаревъ — Григорій.

— А что здѣсь дѣлаешь?

— Лошадей пасу.

— Значитъ ты русскій? Кто твой отецъ и гдѣ онъ живетъ?

— «Я обстоятельно отвѣтилъ на всѣ вопросы, не могъ только дать отвѣта: русскій-ли я, или турецкій подданный. Молился Богу я по православному.

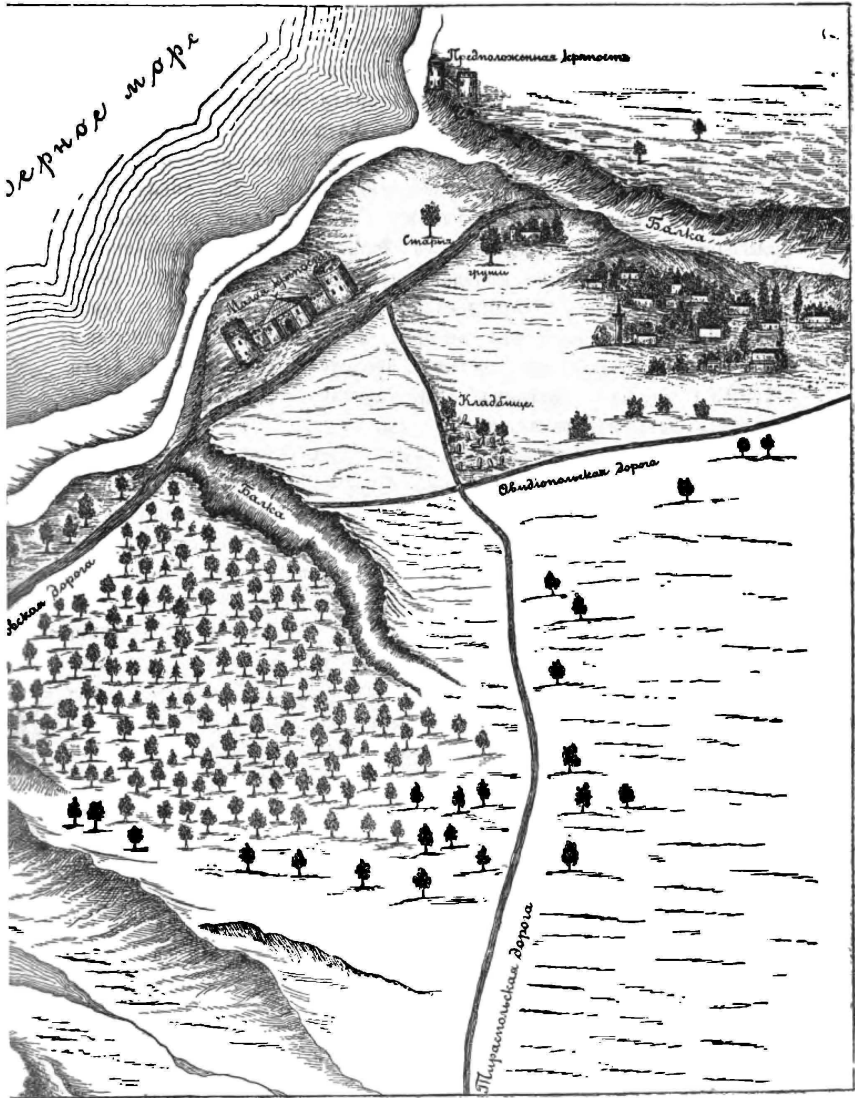
«Отрядный начальникъ, переговоривъ о чемъ-то съ нѣсколькими казаками, отправилъ меня подъ вечеръ домой къ отцу съ тѣмъ, чтобы отецъ явился самъ къ нему.

«Помню какъ отецъ страшно перепугался казаковъ. Это было уже въ сумеркахъ. Переговоривъ съ отцомъ, казаки увезли его съ собою верхомъ на лошади. Я былъ въ страшномъ волненіи, ожидая отца; мать горько плакала, всѣ мы были въ отчаяніи.

«Дѣлаю ночь и почти весь слѣдующій день шелъ мелкій дождь. Подъ страхомъ смерти намъ воспрещено было отлучаться куда-либо изъ дома. Какъ только стемнѣло — къ усадьбѣ нашей прибыло множество офицеровъ, а съ ними и отецъ. Изъ разговоровъ я понялъ, что отецъ въ эту ночь долженъ былъ указывать путь къ замку, но такой дорогой, чтобы не встрѣтить на пути никого изъ охранявшихъ замокъ и укрѣпленіе.

«На столѣ разложены были планы мѣстности, занимаемой замкомъ и укрѣпленіемъ, но глубины и ширины продольныхъ къ морю овраговъ на планахъ не было обозначено.

«Генералъ Гудовичъ дѣлалъ распоряженія адмиралу Де-Рибасу. Возлѣ нихъ находились майоръ Воейковъ, начальникъ артиллеріи майоръ Меркель, полковникъ Хвостовъ и кошевой атаманъ Чепега. Вначалѣ рѣшено было отрядить часть войска для штурма съ берега моря, по обрыву, гдѣ нынѣ садъ при домѣ Воронцова, но отецъ увѣрилъ Гудовича, что у самого обрыва находится турецкая эскадра, которая можетъ сильно вредить отряду съ кораблей. Тогда рѣшено было отпра- виться берегомъ до подножія янъзшняго Нарышкинскаго спуска и затѣмъ, поднавшись на право къ оврагу до Дюковскаго сада — двумя колоннами ринуться на штурмъ: одной колонной на замокъ, другой на укрѣпленія, имѣя артиллерію съ обоихъ фланговъ. Въ два часа ночи русскія войска потанулись къ Гаджибейю. Въ оврагѣ, возлѣ Дюковскаго сада, войска построены были въ боевыя колонны. Отецъ пошелъ съ майоромъ Меркелемъ, чтобы указать безопасный путь для артиллеріи. Оврагомъ, дойдя до мѣста, ниже университета, артиллерія направила орудія на замокъ. Ночь была темная, но замокъ тяжелою массой вырѣзывался на фонѣ темносиняго неба. Все было спокойно. Едва майоръ Меркель командовалъ о наводѣ орудій, какъ вдругъ раздалась трескотня ружейныхъ выстрѣловъ вблизи замка. Проснулася слободка,

Видъ Гаджибея во время его завоеванія.

Первымъ долгомъ де Рибасъ возбудилъ ходатайство объ устройствѣ въ Хаджибей военнаго порта. Ходатайство было настолько основательно, что Императрица согласилась съ нимъ, и уже 27-го Мая 1794 года послѣдовали Высочайшіе рескрипты объ устройствѣ города и порта въ Хаджибей, одинъ на имя вице-адмирала де Рибаса, другой на имя графа Зубова, Таврическаго и Херсонскаго генералъ-губернатора. Въ обоихъ рескриптахъ Императрица объявляла, что принимая во вниманіе выгодное положеніе Хаджибея на Черномъ морѣ и сопряженныя съ онымъ пользы, она признала нужнымъ устроить тамъ военную гавань купно съ купеческою. На сооруженіе порта и адмиралтейства, на постройку казармъ и магазиновъ ассигнованы были правительствомъ весьма значительныя суммы, всего 1.993,625 руб., причемъ было поставлено, что суммы эти должны быть распределены на пять лѣтъ.

Когда Гаджибей переименованъ былъ въ Одессу — ни въ официальныхъ документахъ, ни въ собраніи законовъ, свѣдѣній не имѣется. Историки Одессы Скальковскій, Смольяниновъ и Орловъ, командированный на 6-й археологическій съѣздъ въ Одессу отъ московскаго архива М. Ю., въ рукахъ коего имѣлись самые разнообразныя документы, относяшіеся къ основанію Одессы — всѣ они ссылаются на Высочайшее повелѣніе 27 января 1795 г. Въ изданномъ подъ редакціей г. Старчевскаго справочномъ энциклопедическомъ словарѣ (т. 9 ч. 1 С.-Петербургъ 1854 г.) въ описаніи Одессы, между прочимъ, сказано «Одессою названъ этотъ городъ по указу 27 января 1795 г. въ память древне-эллинскаго поселенія Ордиссось или Одиссось, находившагося, какъ полагаютъ, недалеко Гаджибея.

поднялся страшный вой, грянули выстрѣлы съ амбразуръ замковыхъ стѣнъ; наконецъ и орудія Меркеля, отерывъ свои пасти, начали громить замокъ. Не прошло и часа, какъ тысячные голоса «Алла, Алла!» и зычный «ура!» слились воедино. На бѣломъ фонѣ замковыхъ стѣнъ, показались лѣстницы, у проломовъ сильно наступали казаки. Турки знали, что имъ не удержаться долго, но хотѣли дорого продать свое пораженіе. Въ шесть часовъ утра замокъ былъ взятъ и въ половинѣ седьмого на башнѣ красовался уже русскій флагъ. Первыми ворвались въ крѣпость Воейковъ, Арсудинскій, (Фамилія Арсудинскихъ и понынѣ существуетъ въ Одессѣ) есаулъ Кумшакій, Ливенецъ, Семякинъ. Черезъ полчаса взято было и укрѣпленіе. Въ послѣднемъ штурмѣ участвовалъ Де-Рибасъ, въ штурмъ-же замка — полковникъ Хвостовъ, кошевой Ченегъ и Меркель. Турки, побросавъ оружіе, бросились на суда. По реляціи Гудовича убитыхъ показано: нашихъ 5 и турокъ 200. На самомъ дѣлѣ убитыхъ нашихъ было до 15, а раненыхъ до 50 чел., а турокъ убитыхъ около 70 и раненыхъ до 120 душъ».